

Цзи Цин молчал.

Кто бы мог подумать, что за пять лет всё так изменится. Он словно перестал существовать, в то время как Цзи Ю стал всеобщим любимцем. Да и что тут можно было сказать?

После долгих издевательств у Цзи Цина не осталось сил, и Фэн Кэ буквально притащил его в больницу.

У дверей реанимации с мрачным лицом стоял Чу Мочэнь. Он не проронил ни слова.

Мать Цзи Ю, Лин Цяо, уткнувшись в плечо Цзи Пэна, заливалась горячими слезами.

— Этот проклятый неудачник, как он посмел снова причинить вред нашему Ю? Почему он не сгнил в тюрьме? Зачем он вообще вышел?

Цзи Пэн не знал, что ответить, и лишь гладил Лин Цяо по волосам, пытаясь её успокоить.

— Всё будет хорошо. Разве Ю не спасали уже столько раз? Он всегда выкарабкивался, и в этот раз будет так же. К тому же господин Чу пообещал, что для Ю найдётся донорское сердце.

На лице Лин Цяо отразилось изумление:

— Правда? Но ведь сердце — такая редкость, кто же согласится...

— У господина Чу наверняка есть свои способы. Нужно лишь дождаться, пока Ю окрепнет.

Лин Цяо кивнула.

— Дай бог, чтобы наш Ю благополучно миновал эту беду.

Едва она закончила говорить, как Фэн Кэ привёл Цзи Цина.

Появление Цзи Цина заставило Лин Цяо, только было начавшую успокаиваться, вновь сорваться.

— Почему он здесь? Что ему нужно?

— Это я велел его привести, — Чу Мочэнь, до этого хранивший молчание, шагнул вперёд.

Сейчас семья Чу в Западном городе обладала такой властью, что Цзи Пэн не осмелился перечить.

Однако Лин Цяо, терзаемая материнской болью и зная, что очередной приступ сына вызван именно Цзи Цином, не сдержалась. Она подскочила к нему и влепила пощёчину.

— Ты даже родного брата готов погубить! Проклятый мерзавец, почему ты не сдохнешь?

На бледной, как мел, щеке Цзи Цина отчетливо проступил след от удара.

Он гневно посмотрел на женщину. Кто угодно мог его ударить, но она? С какой стати?

— Лин Цяо, ты знаешь, почему твой сын болен?

Лин Цяо растерялась, не понимая, к чему этот вопрос, и промолчала.

Цзи Цин ответил сам:

— Потому что за грехи матери расплачиваются дети. Сколько зла ты совершила — всё вернётся бумерангом твоим детям. Это вполне справедливо.

Хлесткий звук пощёчины перекрыл его слова — на этот раз удар нанёс Цзи Пэн.

Цзи Цин и так едва держался на ногах, а этот удар сбил его с ног.

— Мерзавец! Что за чушь ты несёшь?! Это что, подобающее отношение к старшим?

Старшим? Цзи Цин вытер кровь с разбитой губы и с трудом поднялся.

Он не знал, какими должны быть старшие. Но он был уверен: настоящий отец не бросил бы мать ради любовницы, как только сын попал в тюрьму, не игнорировал бы его столько лет и уж точно не согласился бы пожертвовать жизнью одного сына ради другого.

Даже если он сам был последним грешником, он всё ещё имел право называть его отцом.

Что такое отец? Разве это не бескорыстная любовь?

Но после выхода из тюрьмы, после всех унижений и того, что Цзи Пэн отрёкся от него, Цзи Цин не чувствовал ни капли любви.

Слово отец он больше не мог произнести.

— Цзи Пэн, здесь нет моих старших.

— Ты!

То, что сын назвал его по имени, привело Цзи Пэна в ярость.

Когда он замахнулся снова, Чу Мочэнь преградил ему путь.

— Дядя Цзи, Ю всё ещё в реанимации, ведите себя тише. Это я приказал его привести. Если не хотите его видеть, отойдите подальше. У меня есть к нему дело.

Чу Мочэнь схватил Цзи Цина за руку и потащил в отдельную палату, предназначенную для Цзи Ю.

<http://bllate.org/book/20219/2012679>